

УДК 902(477.75)

НЕПОМНЯЩИЙ А.А.

Неизвестные страницы изучения Эски-Кермена по переписке Николая Эрнста с академиком С.Ф. Платоновым

В научный оборот вводятся три неизвестных ранее письма лидера исторического крымоведения 20–30-х годов XX века профессора Крымского педагогического института им. тов. М.В. Фрунзе Николая Львовича Эрнста. Документы выявлены в личном архивном фонде академика Сергея Федоровича Платонова, отложившемся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки. С. Ф. Платонов курировал некоторые вопросы археологического изучения крымских средневековых памятников и находился в переписке по этому вопросу с ведущими крымоведами. Он же стал инициатором проведения совместной советско-германской археологической экспедиции на Эски-Кермен для выявления остатков «готской культуры». Содержательные письма Н.Л. Эрнста позволяют по-новому увидеть особенности межличностных коммуникаций ведущих крымоведов эпохи и получить дополнительную информацию по истории археологического изучения крымских объектов культурного наследия.

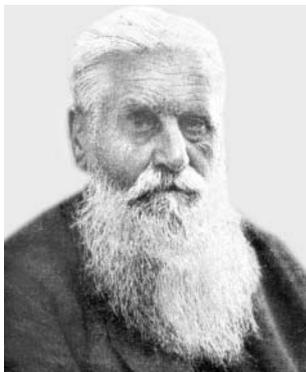
Ключевые слова: Н.Л. Эрнст, С.Ф. Платонов, Эски-Кермен, советско-германская археологическая экспедиция, археологические памятники, эпистолярное наследие.

Анализ личной переписки краеведческого содружества различных регионов, а также местных деятелей с их столичными кураторами позволяет воссоздать интеллектуальную напряженность эпохи, демонстрирует особенности характеров, пристрастия, субъективные оценки историков. Эти источники до последнего времени оставались в значительно меньшей степени введенными в научный оборот и, соответственно, исследованными. Причиной такой ситуации является трудоемкость их разыскания и разработки в личных архивных фондах крымоведов и архивах крымоведческих обществ, которые хранятся, в основном, за пределами Крыма. Значительная часть переписки Н.Л. Эрнста была введена в научный оборот в нашей монографии, посвященной этому выдающемуся деятелю науки [1]. Продолжение архивных поисков документов о научных контактах ученых из академических центров с местными краеведами позволило дополнить перечень этого наследия еще тремя письмами. Это послания академику С.Ф. Платонову.

Имя одного из крупнейших российских историков – академика АН СССР Сергея Федоровича Платонова (1860–1933) – только в последнее время заняло свое достойное место в истории крымоведения [2]. Выпускник Историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета (1882 г.), он довольно быстро – уже в 1899 году – стал профессором этого вуза. В течение многих лет в досоветский период С.Ф. Платонов выполнял обязанности

декана историко-филологического факультета. Одновременно он являлся директором столичного Женского педагогического института, сотрудничал в Академии Генерального штаба и Военно-юридической академии, преподавал историю членам императорской фамилии.

В центре научного внимания С.Ф. Платонова собственно история Крыма никогда не была. Он сосредоточился на изучении событий российской истории XVI–XVII столетия. Историк стал автором оригинальной концепции этого периода с постановкой острых, новых для историографии конца XIX – начала XX века

Арсений Иванович Маркевич

проблем, связанных с социально-экономической тематикой и социальной борьбой. Этим вопросам были посвящены как магистерская диссертация С.Ф. Платонова – «Древне-русские сказания и повести о Смутном времени XVII в. как исторический источник» (1888 год), так и его главный труд – докторская диссертация – «Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв.: опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время» (1899 г.). С.Ф. Платонов являлся одним из наиболее читаемых русских историков. Этому способствовало издание гимназического учебника по русской истории, который в досоветское время выдержал десять тиражей (последний – в 1917 году). «Князем науки» называл С.Ф. Платонова современник – граф С.Д. Шереметев, видевший в нем первого после смерти В.О. Ключевского историка. Основы «школы» С.Ф. Платонова были заложены в 90-х годах XIX в. Возглавив кафедру русской истории столичного университета, ученый воспитал крепкое научное направление, получившую название «Петербургской школы русских историков», или «Школы Платонова». Ее отличительной особенностью были ярко выраженный объективизм и ориентация исследователей преимущественно на источниковедческие разыскания, изучение исторического материала [3].

Интерес к средневековой истории Крыма возник у С.Ф. Платонова еще в студенческие годы под влиянием профессора Василия Григорьевича Васильевского (1839–1899) [4].

Предыстория первого из выявленных писем Н.Л. Эрнста к С.Ф. Платонову непосредственно связана с конфликтом, который остро разгорелся между Н.Л. Эрнстом и Н.И. Репниковым из-за прерогативного права исследования Эски-Керменского городища. Николай Львович начал эпизодические иссле-

дования на плато Эски-Кермена еще в 1921 году [5]. В 1923–1926 гг. работы на памятнике проводил Севастопольский музей краеведения. С 1927 года Центральные государственные реставрационные мастерские [6] совместно с Главнаукой Наркомата просвещения РСФСР организовали специальную Эски-Керменскую экспедицию, во главе которой был поставлен Н.И. Репников. При этом исследования Севастопольских краеведов под руководством П.П. Бобенчикова также продолжались. В 1928 году в ходе работ были обнаружены следы крупного поселения с остатками крепостной стены.

Как заведующий археологическим отделом Центрального музея Таврида Н.Л. Эрнст обратился в основное курирующее научные исследования учреждение – Главнауку Наркомпроса РСФСР с разъяснениями о том, что Эски-Кермен разрабатывает его экспедиция. Главнаука, в свою очередь, в апреле 1927 года обратилась с официальным письмом в Государственную академию истории и материальной культуры, где предлагалось Н.И. Репникову предоставить для исследований только Мангуп и Сюрень, а изучение Эски-Кермена закрепить за Н.Л. Эрнстом [7]. Однако Н.И. Репников в специальной записке от 9 мая, отправленной в Академию, резко выступил против такого разделения «полномочий» [8]. В борьбу за право изучать памятник был втянут и Наркомпрос Крымской АССР. За Н.Л. Эрнста вступился нарком просвещения Крыма Усеин Вели Балич, который отстаивал право на исследование памятника экспедицией Центрального музея Тавриды [9].

Н.Л. Эрнст специально ездил в Ленинград, в ГАИМК, где 16 февраля 1928 года выступил на заседании Крымской комиссии с докладом «Эски-Кермен и пещерные города Крыма», где предлагались меры по охране памятника [10].

Мамут Муратович Недим

Не сидел сложа руки и Н.И. Репников. На обвинения Н.Л. Эрнста о том, что Н.И. Репников захватил «чужой» памятник, в АН СССР в 1929 году была направлена коллективная резолюция Севастопольского музея краеведения, сотрудники которого, хотя и признавали, что Н.Л. Эрнст вел работы на этом объекте с 1921 года, постановили «считать первым углубленно-научным изучением этого памятника <...> раскопки 1926 г., которые велись <...> Репниковым и были поставлены безукоризненно широко <...> в тесном <...> контакте с <...> Севастопольским музеем краеведения» [11]. В подписанной П.П. Бабенчиковым «Выписке из протокола Общего собрания работников Севастопольского

музея краеведения» от 9 апреля 1929 года акцентировалось внимание на том, что до 1926 года прерогатива в изучении Эски-Кермена принадлежала исключительно Севастопольскому музею краеведения. Оговаривалось, что раскопки этого учреждения и работы, проводимые Н.Л. Эрнстом, «нельзя смешивать» [12]. Такая вставка специально была сделана П.П. Бабенчиковым по просьбе Н.И. Репникова. Это было связано со сделанным Г.А. Бонч-Осмоловским – другом Н.Л. Эрнста – заявлением о приоритете исследований Николая Львовича на Эски-Кермене в первой половине 20-х годов XX века. Такую формулировку Г.А. Бонч-Осмоловского П.П. Бабенчиков назвал «безосновательной» [13]. Далее в документе подчеркивается значение раскопок памятника, сделанных совместно Севастопольским музеем краеведения и Н.И. Репниковым в 1926–1928 годах [14].

Николай Львович Эрнст

В феврале 1929 года в Москве было проведено совместное заседание Центральных государственных реставрационных мастерских и Московского отделения Общества по изучению Крыма [15] по вопросу «изучения пребывания готв в Крыму». С докладом также тогда выступил профессор искусствоведения, руководитель Комиссии по сохранению и раскрытию памятников древней живописи в России Центральных государственных реставрационных мастерских в 1918–1930 годы Александр Иванович Анисимов (1877–1937). Он состоял в научной переписке с Н.И. Репниковым и поддерживал позицию последнего [16]. Затем выступили Ю.В. Готье и сам Н.И. Репников. К заседанию была открыта выставка из материалов экспедиций Н.И. Репникова. Историк отождествлял Эски-Кермен с Доросом – столицей Крымской Готии. Н.Л. Эрнст же считал эту версию ошибочной и связывал Дорос с Мангупом. В марте 1929 года Комиссия по истории знаний, Византийская и Археографическая комиссии АН СССР провели совместное заседание по «вопросу об открытии в Эски-Кермен (Крым) готского города». Были заслушаны доклады А. И. Анисимова «Росписи Эски-Кермена», В.А. Брима «Изучение готской культуры в русской историографии», Б.Н. Вишневого «Антропологический материал Эски-Кермена», Н.И. Репникова «Эски-Кермен в свете археологических работ 1928 года» [17].

12 апреля 1929 года в письме к Сергею Федоровичу Платонову Арсений Иванович Маркевич тогда представил свое видение конфликта, развернув-

шегося между двумя крымоведами. Николая Львовича А.И. Маркевич знал, конечно, лучше, чем Н.И. Репникова. Каждый из них просил Академию наук о разрешении на организацию собственной экспедиции, чего Арсений Иванович не рекомендовал делать: «Вдвоем они сразу переругаются» [18]. При этом А.И. Маркевич охарактеризовал для С.Ф. Платонова Н.Л. Эрнста: «Н.Л. Эрнст высокообразованный человек, работающий вполне научно, с немецкой выдержкой, осторожно, аккуратно, но копал только курганы и пещеры, да городище в Симферополе» [19]. При всей сложности, даже антагонизме, отношений Н.И. Репникова и Н.Л. Эрнста А.И. Маркевич советовал С.Ф. Платонову использовать в деле изучения Эски-Кермена опыт обоих археологов. «Оба они дополняют друг друга», – заключал он [20].

С.Ф. Платонов в последующем постоянно интересовался ходом исследований на Эски-Кермене, а Арсений Иванович подробно информировал его о положении дел. Так, 24 мая 1929 года он сообщал в Ленинград: «Как председателя Таврического общества истории, археологии и этнографии меня, конечно, сильно смущали и волновали нелады Н.И. Репникова с Н.Л. Эрнстом, я очень желал бы, чтобы они прекратились, и самолюбие и того и другого лица было принесено в жертву науки. – Но отношение между ними осложнялись, захватили широкие научные сферы, целые учреждения, причем ни Москва, ни Ленинград не проявили, как будто, желания помирить двух научных работников, хотя бы путем третейского суда, на что, насколько я осведомлен, Н.Л. Эрнст охотно бы согласился. Оба эти лица искренне преданы науке, оба они связаны своей работой с Эски-Керменом, – по-моему, Эрнст больше, но это все равно, – и участие обоих в Эски-Керменских раскопках не может не вызывать сочувствия, равно как и устранение того или другого должно вызывать только сожаление» [21].

Сергей Федорович Платонов

К середине 1929 года противостояние Н.И. Репникова и Н.Л. Эрнста достигло своего апогея. Об этом Арсений Иванович информировал С.Ф. Платонова как академика-секретаря Отделения гуманитарных наук АН СССР. Николай Иванович Репников, организовавший крупномасштабное исследование Эски-Кермена, все силы отдавал этому делу. Подробную информацию по этому же вопросу содержит переписка Н.И. Репникова с заведующим Реставрационным подотде-

лом Центральных государственных реставрационных мастерских Игорем Эммануиловичем Грабарем (1871–1960), которая не так давно была опубликована на страницах «Исторического наследия Крыма» [22]. Документы, касающиеся этого конфликта, выявленные в различных архивах, свидетельствуют о желании Н.И. Репникова замкнуть исключительно на себе изучение Эски-Кермена. При этом для доказательства собственной правоты Н.И. Репников и поддерживавший его В.И. Равдоникас, не брезговали никакими средствами. На заседаниях Крымской комиссии Государственной академии истории материальной культуры 28 марта и 9 мая 1929 года в сторону Н.Л. Эрнста сыпались обвинения не только в неумелом, а, следовательно, и некачественном, проведении археологических раскопок, но и в плагиате. Ученому инкриминировали использование без указания авторства трудов, присвоение себе чертежей и рисунков, выполненных еще Александром Львовичем Бертье-Делагардом [23]. В.И. Равдоникас и Н.И. Репников безапелляционно утверждали, что Н.Л. Эрнст использовал без указания авторства для своих научных интересов материалы архива бывшей Таврической ученой архивной комиссии, в частности, хранившиеся там бумаги (описания археологических работ, чертежи и планы раскопок) основателя Московского археологического общества Алексея Сергеевича Уварова (1824–1884) [24].

Вот в таких обстоятельствах появилось письмо Н.Л. Эрнста от 8 июля 1929 года, адресованное С.Ф. Платонову. Тексты приведены в современной орфографии пунктуации. Замеченные ошибки исправлялись без оговорок.

Симферополь, Госпитальная, 18, кв. 1.

Многоуважаемый Сергей Федорович!

Когда А.И. Полканов был в Ленинграде, вы были так любезны его предупредить, что в Ленинграде ходят слухи, будто бы я для своих работ об архитекторе Алевизе и об Эски-Кермене использовал неизданные рукописные материалы покойного А.Л. Бертье-Делагарда.

Было, конечно вполне ясно, откуда эти слухи исходят. Тем временем я получил сведения о новых выступлениях против меня в том же направлении со стороны сотрудников Н.И. Репникова на заседаниях Крымской комиссии Аккад[емии] Ист[ории] Маг[ериальной] Культ[уры]. Переслано мне такое направленное против меня постановление севастопольских краеведов, которое, конечно, и у вас имеется. Все эти выступления и обвинения сводятся к тому, что я над изучением Эски-Кермена вообще не работал и там вряд ли бывал, а для своих докладов о нем использовал материалы Бертье-Делагарда.

Если бы я стал сам опровергать перед вами эти гнусные и неумные инсинуации, то вы могли бы мне не поверить. Поэтому, как вам обещал уже и А.И. Полканов, я препровождаю вам официальные справки от соответствующих учреждений и лиц, из которых явствует, что я действительно на Эски-Кермене давно работал, что мне было вполне доступно, и поэтому никак не нуждался в какой-либо заграничной помощи А.Л. Бертье-Делагарда.

Вместе с тем, я позволю себе послать вам свою статью об Эски-Кермене, которая только что напечатана в «Известиях Таврич[еского] О[бщест]ва Ист[ории], Археол[огии], и Этн[ографии]». Она должна была появиться еще полтора года тому назад, но пролежала в Москве без движения, т.к. издание, где она должна была быть напечатана, не состоялось.

Меня крайне тяготит, глубокоуважаемый Сергей Федорович, что мое имя постоянно треплется перед вами в связи с Эски-Керменом и планами, и проблемами. Мне совершенно не понятно цель всей этой систематически проводимой травли против меня. Я совершенно никому не навязываю своего участия в работах на Эски-Кермене и никого не собираюсь вытеснить. Только в 1927 г., когда Н.И. Репников предполагал заняться Эски-Керменом и в свой план включил «обмеры, съемки, раскопки» и т. д., то я ему указал, что обмеры и съемка плана и фотографирование уже производилось и мною, и севастопольскими краеведами, и что повторять эту работу не рационально, а раскопки предположены мною в продолжение моих работ и что перебивать эти мои планы я считаю поступком нежелательным. Так как Николай Иванович раскопки в Эски-Керменен начал, то я, как человек совершенно миролюбивый ему не препятствовал и не позволил себе ни малейшего выступления ни сам, ни через кого-нибудь, против него и его работы, и считаю, что при созданной им атмосфере мне все равно и с ним, и рядом с ним работать было бы невозможно.

Мне глубоко прискорбно, многоуважаемый Сергей Федорович, что мне приходится занимать ваше внимание и время этим чрезвычайно тягостными и вам столь чуждыми взаимоотношениями. Я делаю это лишь потому, что в высшей степени дорожу вашим мнением; очень и очень прошу вас извинить мою навязчивость.

Спасибо вам большое за установление связи между мною и Ф.А. Брауном. Я ввиду с ним переписку и приложу все усилия, чтобы облегчить германским археологам их пребывание и работу в Крыму.

Искренне преданный Вам Н. Эрнст [25].

Между тем, при содействии С.П. Платонова энергично готовилась совместная советско-германская экспедиция по изучению памятников Эски-Кермена. Академик запрашивал крымского ученого информацию о крымских памятниках и их изучении.

5 августа 1929 г. Николай Львович писал в Ленинград С.Ф. Платонову из Старого Крыма:

Старый Крым, бывший Армянский монастырь.

Глубокоуважаемый Сергей Федорович!

Очень Вам благодарен за Ваше письмо и за проявленное Вами в нем доброжелательное ко мне отношение.

На поставленные Вами мне вопросы об официальных взаимоотношениях учреждений в Крыму и в частности по отношению к Эски-Кермену, могу Вам сообщить следующее:

Все крымские музеи, а так же все памятники старины находятся в ведении Крымского Наркомпроса, в составе которого имеется инспектор по делам музеев (тов. Опалов). Так. обр. и Центр. музей Тавриды и Севастопольский краеведческий музей, и Херсонес, и Эски-Кермен подчинены НКПросу [Наркомат просвещения Крымской

АССР – *авт.*] в лице т. Опалова. Непосредственное наблюдение за памятниками старины находится в руках музеев по районно. Так. обр. Эски-Кермен находится в ближайшем ведении Бахчисарайского музея, так как он расположен в Бахчисарайском административном районе. Однако Бахч[исарайский] музей им мало интересуется так как это памятник не татарский. Такова административная принадлежность Эски-кермена. Имейте при вашем пребывании в Симферополе в виду, Сергей Федорович, что Крымский Нар[одный] Ком[иссариат] Прос[вещения –] учреждение обидчивое и выражал недовольство тем, что Академия Наук вела до сих пор весь вопрос об Эски-Кермене, о приезде и участии немцев и пр. без всякого согласования с ним, в ведении которого Эски-Кермен состоит, и даже без информирования.

Кроме указанного официального районирования и подчиненности, у крымских музеев есть еще распределение между ними исследовательских областей, установленное одной из наших музейных конференций. Согласно ему в сферу научных исследований Центрального Музея Тавриды входят византийские и готские древности Горного Крыма. Севастопольскому же музею краеведения надлежит изучать древности Севастопольского района. Так как это «районирование» исследовательской работы установлено соглашением музеев на конференции, то оно, конечно, не редко нарушается.

Я в последнее время вел раскопки в разных местах и подгонял их так, чтобы быть к 6–7 августа в Симферополе, так как к этому времени, согласно вашему сообщению, вы должны были прибыть сюда, а мне, конечно, было бы очень ценно с Вами здесь встретиться. К сожалению, Вам не удалось выполнить этот план и Вы сможете быть здесь 14–15-го. Между тем у меня уже намечены работы в Старом Крыму и я принужден завтра туда уехать.

Очень прошу Вас сообщить мне, следует ли мне прервать мои работы в Старом Крыму и приехать в Симферополь к 14–15-му или может быть лучше мне встретиться с Вами в Симферополе уже в начале сентября, когда приедут немцы. В этом и другом случае я буду весь к Вашим услугам и буду искренне рад возможности Вас приветствовать.

С искренним уважением, Н. Эрнст [26].

В письме упоминается Василий Григорьевич Опалов, игравший тогда немаловажную роль в музейном строительстве. Восстановить основные моменты биографии этого деятеля крымского краеведения стало возможным благодаря изучению архивно-следственных дел репрессированных деятелей крымской интеллигенции [27]. В.Г. Опалов-Иванов работал в 1920–1922 годах заведующим учебной частью двухклассной школы при Сызранском военкомате. В 1924 – начале 1925 года – в Симбирском губкоме ВКП(б) заместителем заведующего отдела агитации и пропаганды Ленинизма. Затем, в мае 1925 года, переехал на работу в Вологду, где некоторое время являлся редактором губернской крестьянской газеты, а затем несколько месяцев – заведующим отделом агитации пропаганды Ленинизма в Вологодском губкоме. Из-за заболевания туберкулезом в конце 1925 года был переброшен на работу в Крым. С конца 1925 по 15 ноября 1927 года – заведующий отде-

лом агитации и пропаганды Ленинизма Евпаторийского райкома ВКП(б). В Крыму В.Г. Опалов кроме музея работал консультантом в Крымском Центральном архиве (1933 год), откуда он был буквально выжит А.М. Павловским. В 1935 году В.Г. Опалов был исключен из ВКП(б) за троцкизм, а 5 января 1937 года был арестован НКВД в Ульяновске. 6 января 1937 года ему инкриминировали контрреволюционную деятельность. 19 июня 1937 года В.Г. Опалов-Иванов был осужден к 8 годам тюремного заключения [28].

Третье из выявленных писем Н.Л. Эрнста С.Ф. Платонову непосредственно касается приезда в Крым немецких археологов для осмотра средневековых памятников полуострова. Во второй половине 20-х годов XX века наблюдался всплеск активности советско-германских отношений. Это выразилось в обмене специалистами и организации научных контактов. В июле 1928 года в Германии прошла неделя советских историков, где СССР представлял академик С.Ф. Платонов, а в сентябре того же года в Советский Союз с ответным визитом прибыл президент Объединения для содействия немецкой наукой государственного министра Ф. Шмидт-Отт и секретарь Общества по изучению Восточной Европы Г. Йонас, которые посетили различные советские научные учреждения [29].

Узнав от археолога Александра Андреевича Спицына об открытиях Н.И. Репникова в 1928 году на Эски-Кермене крупного поселения с остатками крепостной стены, С.Ф. Платонов поделился этой информацией со своим другом Федором Александровичем Брауном (1862–1942), который до своей эмиграции в Германию активно разрабатывал крымоведческие сюжеты [30]. Это было вполне логично с учетом давних научных связей двух ученых. Заметим, что именно С.Ф. Платонов рекомендовал Ф.А. Брауна к избранию в члены-корреспонденты АН СССР [31]. Ф.А. Браун, в свою очередь, проинформировал об успехах советских археологов своих немецких коллег, которые выступили инициаторами организации совместной советско-германской экспедиции в Крым для решения так называемой «готской проблемы». С.Ф. Платонов поддержал эту идею и 11 апреля 1929 года обратился с письмом к заведующему отделом научных учреждений Совета Народных Комиссаров СССР Е.В. Воронову [32]. Получив согласие чиновника, С.Ф. Платонов 24 апреля 1929 года провел через Общее собрание АН СССР решение о необходимости организации археологических исследований в Крыму совместно с германскими учеными [33]. Вот почему академик так пристально интересовался у А.И. Маркевича положением дел на Эски-Кермене, взаимоотношениями Н.И. Репникова и Н.Л. Эрнста [34]. Именно поэтому, приехав в Крым на отдых в августе 1929 года, он планировал посетить Эски-Кермен и лично сопровождать немецких ученых. В этой связи С.Ф. Платонов решил отдохнуть до приезда германской делега-

ции в Крыму. Он выбрал Гаспру. Однако из-за начала так называемого «дела Академии наук» так и не смог встретиться с немцами и был вынужден срочно выехать в Ленинград.

19 сентября 1929 года Николай Львович рапортовал С.Ф. Платнову, который находился в Гаспре в доме отдыха ЦКУБУ.

Глубокоуважаемый Сергей Федорович!

По окончании поездки с германскими археологами спешу Вас проинформировать о всем её ходе и результатах.

Началось неблагополучно. Когда 7-го сент[ября] в 4 часа утра Арсений Иванович и я явились согласно Вашему поручению на вокзал для встречи гостей, то лишь с великим трудом разыскали их в поезде и нашли спящими и совсем не готовыми к высадке в Симферополе: не имея никаких сведений, что их будут здесь ожидать и встречать они решили ехать до Севастополя, что бы не блуждать в столь ранний час в незнакомом городе. Пришлось им поэтому из Севастополя сейчас же автомобилем возвращаться в Симферополь, где я их и встретил вторично, поместил в гостинице, показал музей и город, свел с Арсением Ивановичем и наркомом просв[ещения] Мамутом Недимом. Утром 8-го сентября в сопровождении тех же А.И. Маркевича и Мамута Недима мы поехали автомобилем в Эски-Кермен, набрав необходимых продуктов питания, дабы немцы не голодали в татарской деревне. Ходили осматривать Эски-Кермен. Арсений Ив[анович] и Недим вернулись вечером в Симферополь, а гости и я остались в Черкес-Кермене. В деревне я их устроил довольно хорошо, в хорошем доме. Кормились взятыми из Симферополя продуктами.

Эски-Кермен вообще и раскопки в частности произвели на Зауэра большое впечатление. Он нашел, что то, что видно над землей, пещерные церкви с живописью и т. д. относятся к позднему средневековью, а раскопанные стены и погребения – ранние. На Эски-Кермене мы оставались 3 дня и хорошо все посмотрели. После этого отправились лошадьми на Мангуп, подымались наверх и осмотрели все существенное. Мангуп также поразил гостей: они нашли его достойным основательного изучения и раскопок. Затем проехали в Бахчисарай, оттуда лошадьми совершали объезды Чуфут-Калэ, Тепе-Кермен, Качи-Кален. Все эти места произвели глубокое впечатление. Из Бахчисарая поехали автомобилем в Ялту через Ай-Петри с заездом в Сюрень, Таш-Басты (входили на т. наз. Сюреньскую башню), Коккоз. В Ялте остановились в гостинице и совершили поездку катером в Гурзуф и Алушту, осматривали готские могильники. Наконец, из Ялты поехали (показывая готские крепости в горах) автомобилем в Севастополь, где посетили Херсонес. После всего этого я усадил гостей на пароход, с которым они поехали в Батум. С Д.Н. Егоровым не виделись, он ограничился приветственной телеграммой. Я старался сделать все возможное, чтобы обставить гостей удобствами и чтобы показать им все существенные пункты в Крыму, связанные с готами, и состоял при них неотступно, руководя каждым шагом. Мне кажется, что все произошло более, или менее гладко. Не знаю, как они сами об этом думают. Во всяком случае, они рассыпались в благодарностях. В качестве резюме Зауэр заявил, что он будет в Берлине предлагать участвовать в будущем году предварительной суммой и людьми в раскопках на Эски-Кермене и Мангуп.

Преданный Вам Н. Эрнст

Р.С. Большинство расходов по поездке я оплачивал из присланной Вами суммы. Часть расходов (гостиницу в Симферополе и автомобиль в Эски-Кермен) оплатил[о] Крым[ское] правительство» [35].

Упомянутый в письме Мамут Мурадович Недим (1893–1938) известен своей деятельностью на посту наркома просвещения Крымской АССР (смени У.В. Балича). До этого он редактировал популярную газету «Еньи дунья», журналы «Илери» и «Еньи Чолпан». Образование получил в Турции – окончил учительскую семинарию в Бурсе. Продолжил учебу в высшей экономической школе в Берлине. Друг и защитник Б.В. Чобан-заде – он не смог долго продержаться в наркомате просвещения. В феврале 1930 г. он был переведен научным сотрудником в Научно-исследовательский институт национального строительства. Репрессирован в 1937 году. Расстрелян в 1938-м.

Называется также имя члена-корреспондента АН СРСР по отделению гуманитарных наук Дмитрия Николаевича Егорова (1878–1931) – историка культуры, библиотековеда, работавшего профессором Московского университета, а затем – заместителем директора Государственной библиотеки им. В.И. Ленина. Ученый также был репрессирован по «академическому делу».

Таким образом, письма позволяют нам по-новому увидеть некоторые нюансы истории изучения крымских памятников в конце 20-х годов XX века, понять сложную линию взаимоотношений в крымоведении той эпохи

Источники и литература

1. Непомнящий А.А. Профессор Николай Эрнст: страницы истории крымского краеведения. – К.: Стилюс, 2012. – 464 с. – (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; Вып. 15).
2. Непомнящий А.А. «Пока оберегаем и спасаем...»: неизвестные материалы по истории крымоведения в переписке А.И. Маркевича и академика С.Ф. Платонова // Историческое наследие Крыма. – Симферополь, 2006. – № 16. – С. 138–165.
3. Брачев В.С. Крестный путь русского историка: Академик С.Ф. Платонов и его «дело». – СПб.: Стомма, 2005. – 450 с.
4. Медведев И.П. Студенческий реферат С.Ф. Платонова «О местопребывании готов-тетрактитов» // Античная древность и Средние века : сб. науч. трудов / Уральский гос. ун-т им. А.М. Горького. – Екатеринбург, 2011. – Вып. 40: К 50-летию Уральской школы византиноведения. – С. 390–393.
5. Институт истории материальной культуры РАН, научный архив, рукописный отдел (далее – ИИМК РАН НА РО), ф. 2, оп. 1 (1929 г.), д. 97, л. 1.
6. Охрана и изучение памятников истории и культуры в Крымской АССР: Исследования и документы / авт.-сост. А.В. Хливнюк; под ред., вступ. ст. А.А. Непомнящего. – Симферополь: СГТ, 2008. – 240 с. – (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; Вып. 11).
7. ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1927 г.), д. 153, л. 3.
8. Там же, л. 4.
9. Там же, л. 5, 8.
10. Там же, д. 134, л. 1–1 об.
11. Тункина И.В. К истории изучения «готской проблемы» в советской археологии в 1920-х – начале 1930-х гг. // Труды II (XVIII) Всесоюзного Археологического съезда в Суздале / Ин-т археологии РАН; отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров : в 3-х т. – М., 2008. – Т. 3. – С. 250.

12. ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1929 г.), д. 97, л. 1.
13. Там же.
14. Непомнящий А.А. Николай Эрнст и Николай Репников: к истории одного конфликта // Праці Центру пам'яткознавства: зб. наук. праць / Центр пам'яткознавства НАН України і УТОПН. – К., 2011. – Вип. 19. – С. 142–159.
15. Севастьянов А.В. «...Работа Российского общества по изучению Крыма является в интересах Крыма крайне желательной...»: документы архивов свидетельствуют // Историческое наследие Крыма. – 2006. – № 12/13. – С. 128–152.
16. ГТГ, ф. 68, оп. 1, д. 320–324.
17. Тункина И.В. Указ. соч. – С. 249–250.
18. Российская научная библиотека, отдел рукописей (далее – РНБ ОР), ф. 585, оп. 1, д. 3486, л. 28.
19. Там же, л. 29.
20. Непомнящий А.А. До біографії Миколи Ернста: нові документи з архівів Санкт-Петербурга та Києва // Красзнавство. – 2009. – № 3/4. – С. 118–126.
21. РНБ ОР, ф. 585, оп. 1, д. 3487, л. 3–4.
22. «Не закрываю глаз на сложность, трудность и ответственность предстоящей работы в области охраны и изучения памятников Крыма...»: Письма Н.И. Репникова к И.Э. Грабарю / подг., предисл., комм. Е.А. Теркель // Историческое наследие Крыма. – 2006. – № 14. – С. 212–223; Ibid. // Там же. – 2008. – № 22/23. – С. 321–335.
23. ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1929 г.), д. 40, л. 45–57.
24. Там же.
25. РНБ ОР, ф. 585, оп. 1, д. 4721, л. 1–2.
26. Там же, л. 4–5.
27. Государственный архив Автономной Республики Крым, ф. Р-4808, оп. 1, д. 09681, л. 135–139, 140.
28. Непомнящий А.А. Профессор Николай Эрнст... – С. 237–238.
29. Тункина И.В. Указ. соч. – С. 249.
30. Непомнящий А.А. История и этнография народов Крыма: Библиография и архивы (конец XVIII – начало XX века) – Симферополь : Доля, 2001. – С. 118, 666.
31. Платонов С., Крачковский И., Ольденбург С. Записка об ученых трудах проф. Ф.А. Брауна // Известия Академии наук СССР. Сер. 6. – 1927. – № 18. – С. 1517–1520.
32. Петербургский филиал Архива РАН, ф. 2, оп. 1 (1929 г.), д. 28, л. 66.
33. Там же, ф. 2, оп. 1 (1929 г.), д. 251, л. 15 об.
34. Непомнящий А.А. Неизвестные страницы истории крымоведения: к портрету Николая Эрнста // Науковий вісник Ізмаїльського держ. гуманіт. ун-ту : зб. наук. праць. – Ізмаїл, 2011. – Вип. 30: На пошану доктора історичних наук, професора, завідувача кафедри всесвітньої історії, ректора Ізмаїльського державного гуманітарного університету Олександра Михайловича Лебеденка з нагоди його 60-річчя. – С. 112–119; Он же. Новые архивные документы к истории изучения Эски-Кермена // Проблемы континуитета в византийской и поствизантийской истории: тез. докл. XIII Междунар. Сюзюмовских чтений. Екатеринбург 18–20 нояб. 2010 года / Уральск. гос. ун-т им. А.М. Горького. – Екатеринбург, 2010. – С. 75–78.
35. РНБ ОР, ф. 585, оп. 1, д. 4721, л. 7–8.

Непомнящий А.А. Невідомі сторінки вивчення Ескі-Кермена за листуванням Миколи Ернста з академіком С.Ф. Платоновим

У науковий обіг вводяться три невідомі раніше листи лідера історичного кримознавства 20-30-х років ХХ ст. професора Кримського педагогічного інституту ім. тов. М.В. Фрунзе Миколи Львовича Ернста. Документи виявлені в особовому архівному фонді академіка Сергія Федоровича Платонова, відклавшись у Відділі рукописів Російської національної бібліотеки. С.Ф. Платонов курував деякі питання археологічного вивчення кримських середньовічних пам'яток, відтак листувався з цього питання із провідними кримознавцями. Він же став ініціа-

тором проведення спільної радянсько-німецької археологічної експедиції на Ескі-Кермені для виявлення залишків «готської культури». Змістовні листи М.Л. Ернста дозволяють по-новому побачити особливості міжособистісних комунікацій провідних кримознавців епохи й отримати додаткову інформацію з історії археологічного вивчення кримських об'єктів культурної спадщини.

Ключові слова: М.Л. Ернст, С.Ф. Платонов, Ескі-Кермен, радянсько-німецька археологічна експедиція, археологічні пам'ятки, епістолярна спадщина.

Nepomnyashchiy A.A. Unknown pages of the epistolary heritage by Nikolay Ernst: correspondence with academician S.F. Platonov

The scientific circulation introduced three previously unknown letters to the leaders of the historic Crimean local-history studies 20–30s of 20 century, professor of Crimean Frunze Pedagogical Institute Nikolay Lvovich Ernst. Documents found in the personal archives of Academician Sergei Fedorovich Platonov, put the Manuscripts Department of the Russian National Library. S.F. Platonov oversaw some of the issues of the archaeological study of the Crimean medieval monuments and was in correspondence on this subject with the leading Crimean historians. He was the initiator of the joint Soviet-German archaeological expedition at Eski-Kermen to detect residues «gothic culture». Meaningful letters N.L. Ernst allow new insights especially interpersonal communication leading Crimean historians of age and get more information on the history of archaeological study by the Crimean cultural heritage.

Key words: N.L. Ernst, S.F. Platonov, Eski-Kermen, the Soviet-German archaeological expedition, archaeological sites, epistolary heritage.

Подано до друку: 20.04.2016 р.

УДК 94:355.7(477)

НОВІКОВА-ВИГРАН О.С.

**Польське повстання 1863–1864 рр. на Київщині
в документах та спогадах сучасників**

У статті висвітлено революційний рух в Царстві Польському, який став приводом для продовження боротьби проти царизму в Російській імперії. Ряд попередніх повстань на теренах України, що закінчилися поразкою, були лише зразком для подальшої боротьби за свободу проти царизму. Не маючи достатнього досвіду, чудово розуміючи можливість поразки, повсталі свідомо йшли шляхом, що вів до визволення від гніту. Проте жорстока машина царизму ще була достатньо могутня, хоча кожне повстання на території імперії було свідченням її загнивання та занепаду. Ціною свого життя борці проклали шлях майбутньому.

Ключові слова: повстанці, поляки, Царство Польське, Київ, повіт.

У 2013 році громадськість Польщі відзначила пам'ятну дату – 150-річчя з Дня Польського повстання 1863 року. Україна, зокрема Київщина, тісно пов'язана з цією подією, адже поляки, що проживали на теренах Російської імперії, взяли активну участь у боротьбі за визволення від гніту царизму.

Про хід повстання, його наслідки написано чимало. Та майже не зустрічається літератури, яка б висвітлювала події, зокрема на Київщині. Збереглися